

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как напоминание о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

1294 1879 1/1 P. Slav.

12

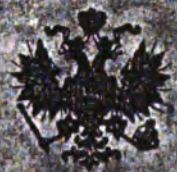
ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ЯНВАРЬ.

1879.

ПЯТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ ССІ.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ В. С. ВАЛАНШЕВА

Издатель: ВАЛАНШЕВЪ, между Введенской и Марининскими улицами, д. № 60-1.

PRINTED IN RUSSIA

СОДЕРЖАНІЕ.

Правительственные распоряженія.

- Община буддійскихъ монаховъ И. П. Минаева.
Святой Георгій и Егорій храбрый А. И. Кирпичникова.
Классификація выводовъ М. И. Каринскаго.
Хорватскія пѣсни о Радославѣ Павловичѣ
и итальянскія поэмы о гнѣвномъ Радо. А. Н. Веселовскаго.
Неизданныя рѣчи и письма Михаила Аки-
мината О. Успенскаго.
Новѣйшіе памятники древне-чешскаго языка. В. И. Ламанскаго.
О синодальномъ спискѣ Эклоги импера-
торовъ Льва и Константина и о двухъ
спискахъ земледѣльческаго закона . . . В. Г. Васильевскаго
Практическая организація педагогическихъ
классовъ при женскихъ гимназіяхъ
министерства народнаго просвѣщенія. С. Миропольскаго.
Четвертый международный съездъ ориен-
талистовъ во Флоренціи В. Вельяминова-Зернова.
Педагогическій отдѣлъ Парижской всемір-
ной выставки К. К. Сентъ-Илера.
О состояніи и дѣятельности кабинета учеб-
ныхъ пособій при дирекціи народ-
ныхъ училищъ С.-Петербургской гу-
берніи.
Извѣстія о дѣятельности и состояніи на-
шихъ учебныхъ заведеній: а) высшія
учебныя заведенія, б) низшія училища.
Н. В. Ханниковъ (некрологъ).

Отдѣлъ классической филологіи.

(См. на 3-й стр. обертки).

437
1-13

ХОРВАТСКІЯ ПѢСНИ О РАДОСЛАВѢ ПАВЛОВИЧѢ И ИТА- ЛІАНСКІЯ ПОЭМЫ О ГНѢВНОМЪ РАДО.

Нѣсколько историко-литературныхъ гипотезъ.

Предлагаемая замѣтка, основанная на отрывочныхъ свѣдѣніяхъ и короткихъ анализахъ каталоговъ, не можетъ имѣть притязанія на полноту. Ея цѣль — обратить вниманіе изслѣдователей на два ита-
ліанскіе памятника, не лишённые, быть можетъ, интереса по отно-
шенію къ древне-славянской народной поэзіи.

О древнихъ сербскихъ героическихъ пѣсняхъ упоминается въ описаніи путешествія императорскаго посольства изъ Вѣны въ Кон-
стантинополь въ 1531 году. При этомъ посольствѣ находится нѣкто
Курипешичъ, родомъ Словинецъ, который и описалъ это путешествіе по
нѣмецки (Wegraiss K. K. Majestät Botschaft nach Konstantinopel).
Здѣсь въ трехъ мѣстахъ упоминается о пѣсняхъ: „Въ Хорватіи и
Боснѣ много поется пѣсень о Малкошичѣ;—Босняки и Хорваты
поютъ еще много пѣсень о рыцарскихъ подвигахъ вѣрнаго
слуги князя Радослава Павловича („von den ritterlichen thaten
des treuen dieners des herzogs Pavlovitz von Radasel genannt singen
die Bosser und Crabaten noch viel lieder); — у Хорватовъ и доселѣ
поется много пѣсень о Кобиловичѣ“ ¹⁾,

¹⁾ *Пития*, Первые слухи о сербской народной поэзіи (*Вѣстникъ Европы* 1876 г., декабрь, стр. 705), — по *Личу*: Свѣдочанства изъ прошлости о српскимъ народнимъ пјесмама, въ журналѣ *Отаѣбина* 1875, № 12, стр. 574 — 589. Смѣч. *Jagić*, *Gradja za historiju slovinake narodne poezije*, prvi dio (*Rad*, t. XXXVII), стр. 82.

I.

Какія это пѣсни о Радославѣ Павловичѣ? ¹⁾. Павловичи были извѣстными босанскими родомъ ²⁾. Радославъ Павловичъ, младшій братъ Петра и Павла, былъ сыномъ Павла Радиновича, изъ боярскаго рода Яблановичей. Въ 1419 году Петръ Павловичъ уступилъ Дубровнику свою половину Конавльской жупы и лежавшаго въ ней города Сокола; когда въ 1420 г. онъ былъ убитъ нашей Исакомъ, половина Сокола и Конавля съ Ободомъ и Цавтатомъ и все, чѣмъ владѣли Павелъ и Петръ Павловичи въ Дольной Горѣ и Виталинѣ, перешло, по волѣ султана Магомеда, въ руки Сандаля и уступлено было Дубровнику. Радославъ Павловичъ отнялъ родовую собственность у Сандаля, что, вѣроятно, не обошлось безъ распри съ Дубровничанами, которые въ 1421 г., 18-го февраля, успѣли заключить съ нимъ дружественный договоръ; черезъ три мѣсяца Радославъ Павловичъ упочилъ за Дубровникомъ свою половину Конавльской жупы, подаренную общинѣ Сандаломъ, что и подтвердилъ грамотой 7-го апрѣля 1423 г. Въ 1427 г., 31-го декабря, Радославъ писался уже великимъ воеводою Босны и давалъ вмѣстѣ съ сыномъ Иваншемъ грамоту, которою окончательно уступилъ Дубровнику всю свою часть Конавля съ Ободомъ, Цавтатомъ, Дольной Горой и Виталиною, за что получилъ отъ Дубровника ежегодно 600 перперовъ и богатый дворецъ въ городѣ; кромѣ того, онъ выговорилъ себѣ $\frac{2}{3}$ земли въ Конавлѣ и право положить въ Дубровникѣ 10000 червонцевъ по 5⁰/₀ ³⁾. Около 1432 года у Радослава была война съ Дубровникомъ,

¹⁾ Слѣдующія свидѣнія о Павловичахъ заимствованы (кромя помѣченныхъ особо) изъ книги А. Майкова: *Исторія сербскаго языка*, стр. 183—184 и 187—189.

²⁾ Пѣсенъ о Радославѣ Павловичѣ и о Малишницѣ не сохранили, говоритъ Ягичъ, I. с., р. 144; *Ljubić, Prilog Jagićevoj razpravi «o gradji i za slovinsku narodnu poeziju»* (*Rad*, XL, стр. 130—146) замѣчаетъ по этому поводу (стр. 140): *Hektorovića druga narodna pjesma poštima* (стр. 19):

Kada mi se Radosave vojevoda oddiljaše
od svojega grada divnoga Siverina,
Često mi se Rodosav na Siverin obziraše it. d.

Ovdje se pjeva o Radosavu vojvodu idobro poznatomu junaku, te se pripominje i njegov suparnik i junak: «na te se je spravio Vladko Udinaki vojevoda». Nibi li mogla ova pjesma pris ojati Radosavu Pavloviću?

³⁾ По Сърва, у *Макушеца*: Исслѣдованія объ историческихъ памятникахъ и бытописателяхъ Дубровника, стр. 4; Дубровничане купили у Радослава западное Конавле въ 1429 году.

въ которой успѣхъ былъ, вѣроятно, на сторонѣ послѣдняго, какъ заставляютъ подозрѣвать. условія мирнаго договора 25-го октября 1432 г. Сынъ Радослава, Иванишъ, не могъ тогда присягать по своему малолѣтству, и потому Радославъ далъ въ 1433 г., 25-го марта, запись въ томъ, что сынъ его, пришедши въ совершеннолѣтіе, подтвердитъ клятвенно всѣ условія договора. Къ тому же 1433 году относится обвиненіе Радослава, вмѣстѣ съ другими знатными босанскими боярами, въ ереси патаровъ, къ которой перешелъ позднѣе и его сынъ Иванишъ. Около 1439 г. въ войнѣ Дубровничанъ съ Стефаномъ Косачемъ, Радославъ стоялъ на сторонѣ Дубровничанъ, купцамъ которыхъ подтвердилъ 1441 г., 10-го апрѣля, право свободной и безопасной торговли въ своихъ владѣніяхъ. Въ 1442 г., 29-го сентября, онъ уже былъ въ числѣ умершихъ, какъ извѣщала его сынъ Иванишъ. Поэтому несправедливо пишетъ Юкичъ, что будто бы Магомедъ II, завоевавъ Босну (1463-г.), погубилъ Радослава Павловича, владѣшаго Требиньемъ, Поповымъ и смежными съ Дубровникомъ землями, такъ какъ Радослава давно уже не было въ живыхъ. Въ грамотахъ 1442, 1443 и 1444 гг. являются сыновья Радослава: Иванишъ, Петръ, Николай. Въ 1444 году „il Magnifico Giovanni figliuolo del Magnifico Vojvoda Radislavo Paulovich“ былъ приписанъ къ именитымъ венеціанскимъ родамъ ¹⁾. Въ царствованіе Ооми Кристича родъ Яблановичей является еще разъ въ 1454 г. съ грамотою Петра и Николая Радославичей, которые подтверждаютъ Дубровнику всѣ прежнія записи дѣда, отца и брата и повторяютъ торговые права, какими пользовались изстари дубровницкіе купцы. Николай Павловичъ погибъ въ 1463 году; его дома и владѣнія въ Рагузѣ „furono concesute ad affitto a Michael di volzo, per depositare il danaro alla camera della repubblica“ ²⁾.

Тѣсная связь Павловичей съ Дубровникомъ достаточно объясняетъ, почему они приняты были въ число его согражданъ. Lussari ³⁾, перечисляя вымершіе княжескіе роды, получившіе право гражданства въ Дубровникѣ, упоминаетъ Христичей или Павловичей и Яблановичей съ пометкой: furono re di Bosna. Не причислялъ ли себя къ роду Павловичей и Juanni Paulavich, авторъ двухъ рыцарскихъ

¹⁾ J. Kukuljević-Sakcinski, Ilirsko porođice u Mletačkom Pleinstvu, въ *Arhiv za povjestnicu jugoslavensku*, kn. I, стр. 54.

²⁾ Rački, Odnosaji Dubrovnika k Bosni i Turskoj въ *Starine*, VI, стр. 13.

³⁾ *Copioso Ristretto de gli annali di Rausa etc.* In Venetia, 1605, p. 175.

поэмъ, о которыхъ далѣе будетъ рѣчь? Правда, онъ называетъ себя синонъ Дубровницкаго дожа, то-есть, ректора, Zuanì Jdrovich(?)¹⁾; но подозрѣніе вызываетъ фамилія Павловича и тема, избранная имъ для своихъ поэмъ: его герой—гнѣванный Радо, можетъ быть, какой-нибудь легендарный Радославъ Павловичъ?

Объ Юванѣ Павловичѣ мы почти ничего не знаемъ. О себѣ онъ говоритъ только, что до 34 лѣтъ жилъ въ Дубровникѣ, учился въ Падуѣ, былъ въ Парижѣ, и что его поэмы переведены съ французскаго. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что написаны онѣ подъ впечатлѣніемъ французскихъ рыцарскихъ романовъ, что авторъ пользовался ихъ данными, ихъ героями. Еслибъ онъ и не былъ въ Парижѣ, то сосѣдняя Тревизская марка, гдѣ французскій эносъ былъ недавно акклиматизированъ, могла развить въ немъ тѣ же литературные вкусы. Его указаніе на „переводъ“ слѣдуетъ, по моему мнѣнію, понимать въ предѣлахъ подражанія, заимствованія той или другой подробности, сходства стиля. Очевидно, ни одна французская поэма не изобразила бы своихъ героевъ славянскаго Радо. Въ этомъ смыслѣ знакомство съ поэмами Павловича могло бы пролить нѣкоторый свѣтъ на поэтическія народныя преданія далматинскаго побережья. Къ сожалѣнію, двѣ поэмы Павловича стали теперь болѣе, чѣмъ библиографическою рѣдкостью. Извѣстно, что обѣ онѣ находились въ Bibliotheca Heberiana, перецѣтенныя въ одинъ томъ, и оттуда перешли въ собственность г. De Mombret, въ Парижѣ. Затѣмъ извѣстны еще два экземпляра второй поэмы: одинъ—въ библиотекѣ маркиза Trivulzio въ Миланѣ, другой—въ королевской библиотекѣ въ Пармѣ.

Вотъ чтò сообщаютъ о нихъ извѣстные мнѣ каталоги:

1. Juan Paulavich, Libero de Rado Stizuxo. Stampato in Venetia per Maestro Bernardino di Vitali Venetian. 1533 in 4° fig. in legno:

Libero del Rado Stizuxo.

и слѣдующая привилегія:

Con gratia e priuilegio che niuno
non possano stampar per anni dexe

¹⁾ Въ Bibliotheca Heberiana: doge of Ragusi.—Но нѣтъ передъ собою поэмъ Павловича, я принужденъ ограничиться свидѣніями, сообщенными о нихъ каталогами: Bibliotheca Heberiana, VII, 4774; *Melsi—Tosi*, Bibliografia dei romanzi e poemi cavallereschi italiani, 2-а ед. (1838) p. 295—297; id., Bibliografia dei Romanzi di cavalleria in versi e in prosa italiani, 3-е ed. 1865, p. 222—223.

e si sara trovato qualche uno
prosomtuoso, de ducati tri diexe
condannato sara ciaschaduno
che accusara subito in quel mexe
havera la soa parte como el scritto
e questo xe vero per dio beneditto
si che mi ve lho ditto signuri chiari
si ve lo trovo
perdere roba e pagare dinari.

Подъ этимъ извѣщеніемъ помѣщено изображеніе человѣка, въ лавровомъ вѣнкѣ, играющаго на скрипкѣ: это и теперь еще излюбленный инструментъ итальянскаго народнаго пѣвца. На оборотной сторонѣ перваго листа помѣщено шесть октавъ, подъ заглавіемъ: Prologo a chi le dedicato.

Со второго листа гесто начинается поэма, напечатанная курсивомъ въ два столбца. Помѣтки на листахъ буквами отъ А до L, черезъ каждые четыре листа. Въ началѣ второго листа гесто, помѣченнаго Aij, находится гравюра, изображающая одно изъ приключеній Радо, разказанное далѣе въ поэмѣ (Sign. F. II retro). Содержаніе ея такъ передается каталогомъ Гебера: Радо готовится убить волка, пойманнаго имъ въ тенета; волкъ возговорилъ человѣческимъ голосомъ и просить пощадить его: онъ — дядя Радо, Michio Tragurin (Михаилъ изъ Traguri=Trau, Трогиръ въ округѣ Сплѣта), бывший когда-то содержателемъ гостинницы въ Модрузѣ и обращенный въ толка за то, что слишкомъ усердно подмѣшивалъ вино водою.

Мы имѣемъ дѣло съ подробностью юмористическо-сказочнаго, мѣстнаго характера, внесенною Павловичемъ въ разсказъ о походе-
нїяхъ своего героя. Но можетъ быть также, что авторъ только пере-
сказывалъ цѣликомъ какое-нибудь народное преданіе о Радо? Все
это остается вопросомъ, пока счастливый случай не познакомитъ насъ
ближе съ содержаніемъ памятника. Что Радо погибаетъ, это мы могли
бы заключить изъ заглавія второй поэмы Павловича, говорящей о
мести его сыновей, и изъ плача вдовы его Маргариты (*Lamento della
Margarita Vedova del Rado*), стихотворенія въ семистопныхъ стихахъ,
помѣщеннаго за послѣднею VIII-ю пѣснью разбираемой поэмы. Отвѣ-
чаетъ ли *lamento* типу народнаго плача или заплачки, или это одна
изъ амплификацій романческаго стиля—сказать невозможно. Прекрас-
ный хорватскій плачъ матери Маргариты, сѣтующей по сыну и братѣ,

изъ которыхъ одинъ увлеченъ — Гречанкой, а другой — жительницею приморья, сохранился въ стихотвореніяхъ Бараковича и изданъ былъ недавно Кукульевичемъ и Миклошичемъ ¹⁾. Я указываю на эту параллель въ предположеніи, пока не доказанномъ, что въ поэмахъ Павловича найдутся дѣйствительные отголоски народныхъ славянскихъ пѣсенъ и преданій.

За *Lamento della Margherita* слѣдуетъ помѣтка: Stampata in Venetia per Maistro Bernardino de Vitali Venetian. MDXXXIII. Послѣдній листъ занятъ латинскими и итальянскими стихотвореніями въ похвалу автора.

Обращения языка, которыхъ писаны поэмы Павловича, указываютъ на венеціанскій діалектъ; Мелѣци опредѣляетъ ближе: далматско-венеціанскій. Иначе, и едва ли справедливо, говоритъ каталогъ Гебера. Языкъ этой поэмы, сказано тамъ, — въ своемъ родѣ единственный: онъ не тосканскій, хотя авторъ заявляетъ, что писалъ по флорентійски; онъ также не падуанскій, а смѣсь того и другаго діалекта съ обиталищеннымъ славянскимъ и французскимъ (!), не правильная, не знающая ни грамматической конструкціи, ни какихъ-либо другихъ законовъ, такъ что ее не понять, а приходится угадывать. Предполагаемая примѣсь французскаго объясняется, по мнѣнію составителя каталога, пребываніемъ автора въ Парижѣ и его заявленіемъ, что его поэмы — переведены съ французскаго. Не лишнею является замѣтка, что его языкъ не вездѣ одинаковъ: такъ V-я пѣснь писана діалектомъ, напоминающимъ діалектъ горныхъ областей Брешиа и Бергамо и совершенно отличнымъ отъ языка другихъ частей поэмы.

2. *Libero de le vendette che fese i fioli de Rado Stizoxo*. Безъ обозначенія мѣста печатанія, имени типографа и года. In 4° fig. in legno; подъ титуломъ:

Libero de le vendette che fese i fioli de Rado Stizoxo con gratia et privilegio, помѣщены изображенія двухъ воиновъ въ военныхъ далматинскихъ одеждахъ того времени; на оборотной сторонѣ 1-го листа четыре октавы вмѣсто введенія. Поэма начинается на recto 2-го листа, помѣченнаго Aij и украшеннаго сверху гравюрой на деревѣ.

¹⁾ *G. Baraković*, Vila Slovinska. Venetia 1682 p. 144—148; *Miklosich*, Beiträge Zur Kenntniss der slavischen Volkspoesie, I. Die Volksepik der Kroaten, in *Denkschr. d. Kais. Akad. d. Wissensch. Ph. Hist. Cl.* XIX B. (1870) p. 65—69; *J. Kukuljević*, Pjesnici hrvatski XV Vjeka, Rasdjel prvi, Svezak II, U Zagrebu, 1858, p. VII—VIII.

Questo libretto che xe tanto belo
Juan Paulavichio la chavado
de testa fora e del so cervello
daspo chel mi son sta adoturado.

Текстъ напечатанъ курсивомъ, въ два столбца, по 4 октавы въ каждомъ. Листы помѣчены не цифрами, а буквами отъ А до М; первая сигнатура распространяется на шесть листовъ, изъ слѣдующихъ каждая на четыре. Всѣхъ пѣсень XII, октавами; первыя шесть украшены каждая гравюрой на деревѣ, въ послѣднихъ этого нѣтъ. Двѣнадцатая пѣснь начинается Жалобой Лики (El lamento de Licha) семистопными и пятистопными ямбами (settenarii e quinarii), переходящими въ октавы и подъ конецъ уступающими мѣсто терциямъ. Поэма кончается на verso послѣдняго листа съ вторымъ столбцомъ:

Ni ancho mai ga dulero la testa
perche a sto modo a dito san trifun
quanto in zupun gaiera senza vesta
e chel magniava carne del castrun.

Finis.

Сюжетъ послѣдней поэмы изслѣдователи отказываются опредѣлить: онъ состоитъ въ безсвязно разказанныхъ похожденияхъ Радо Stizzoso (погибшаго и оплаканнаго вдовой Маргаритой въ концѣ первой пѣзмы?), который представляется въ родствѣ съ Орландомъ, однимъ изъ Паладиновъ Карла Великаго, принимающихъ участіе въ поэмѣ.

Это смѣшеніе съ Карловингскимъ цикломъ дѣлаетъ невѣроятнымъ предположеніе, что Радо поэмъ Павловича и Радословъ Павловичъ, историческій дѣятель XV вѣка, — одно и то же лицо. Память о послѣднемъ была слишкомъ свѣжа, и потому допустить подобнаго рода романическое перенесеніе въ даль представляется невозможнымъ. Пѣсни, слышанныя Курпешичемъ, могли относиться къ босанскому Родославу Павловичу; источники преданій о Радо-Родославѣ поэмъ должны относиться къ болѣе древнему времени. Не найдемъ ли мы ихъ въ полубаснословныхъ разказахъ о древнихъ властителяхъ далматинскаго побережья?

II.

Я разумѣю разказы Діоклейскаго пресвитера ¹⁾ о короляхъ Радославѣ, Чаславѣ и Павлимирѣ. Радославъ—сынъ Свѣтозара—, patris

¹⁾ Латинскій текстъ дуклинской лѣтописи см. у Ličića: De regno Dalmatiae et Croatiae libri sex, Amselodami, 1666 (тотъ же текстъ у Čižića, Popa Duklja-

sui vestigia secutus, omni bonitate fuit ornatus; praeterea genuit filium, quem Ciaslavum vocavit, qui juvenis effectus, coepit esse inobediens patri suo. Eo tempore Banus Croatiae Albae cum suis omnibus rebellaverunt Regi. Tunc Rex Cadaslavus congregans exercitum, partem exercitus dedit filio suo Ciaslavo, partemque secum tulit. Post haec abeuntes circumdederunt rebelles hinc inde, et comprehenderunt illos ac deprædaverunt; sed quotquot Rex comprehendit, liberos abire permisit; quos vero filius Ciaslavus comprehendit, militibus in servitutem tradidit. Quam ob causam indignati sunt milites, qui cum Rege erant, et relicto eo abierunt post Ciaslavum filium ejus. Tunc Ciaslavus, elevatus in superbiam, expulit patrem suum de Regno, et consilio militum coepit persequi eum; Rex denique fugiens, venit in locum, qui dicitur Lasta. Cernens itaque non posse evadere manus filii sui, cum aliquantisper, qui eum diligebant, venit ad littus maris; post haec, quia Ciaslavus cum suis jam prope erat, tempore ¹⁾ percussi cum equitibus, ut stabant natantes, pervenerunt, et ascenderunt quandam petram, quæ non multum longe erat a terra; et sic evasit Rex. Non multo post, voluntate Dei, transibat navis, quæ de Apulia erat; tunc Rex et quicum eo erant, coeperunt clamare et vocare nautas, et nautæ navigantes ²⁾ venerunt, ut viderent, quidnam esset. Ut autem cognoverunt causam, cum honore susceperunt Regem et omnes ejus, et duxerunt ad civitatem Sypontinam; inde perrexit Romam, ad limina Apostolorum Petri et Pauli. Ab illa autem die petra illa vocata est Radaslavi Camich seu Radaslavi petra. Ciaslavus praeterea, maledictus a patre, coepit regnare (Schwandtner, cap. XVII, Cinc., c. XXII).

Когда Чаславъ погибъ въ борьбѣ съ Венграми, страна, оставшись безъ правителя, подпала подъ власть однихъ бановъ. Услышавъ о томъ, родственники и дружина (milites) Радослава, пошедшая вмѣстѣ съ нимъ въ Римъ, упростили его поять себѣ жену, и онъ взялъ за себя знатную Римлянку, отъ которой имѣлъ сына Петрислава. Радославъ умеръ въ преклонной старости и торжественно похороненъ въ церкви св. Іоанна Латеранскаго. У Петрислава, также женившася на родовой Римлянкѣ, былъ сынъ Павломіръ, Павлиміръ или

nina lëtopis po latinsku i toga nekoliko i još nešto po hrvatsku, po prepisu popa Jerolima Kaletića. U Kraljevici 1874 p. 1 — 59); въ Schwandtner, Scriptores rerum Hungaricarum etc., t. III, стр. 476 sqq. гл. XVII—XXI.

¹⁾ Ckntiđ, l. c., 27, 2): Ako ne: timore.

²⁾ У Schwandtner, remigantes.

Беллимиръ. По смерти Петрислава „parentes ejus coeperunt habere inimicitias cum caeteris Romanis, et coeperunt dura bella facere in civitate, sicuti saepe solent facere. Paulimirus jam juvenis effectus, coepit esse valde robustus et fortis bellator, ita ut in civitate Romana nullus ei esset similis, unde parentes ejus, nec non alii Romani, coeperunt illum valde diligere immutaveruntque nomen ejus, et imposuerunt ei nomen Bello, eo quod bellum facere valde delectabatur (Schw. c. XIX;=Črnđ. XXVI).

Въ то время Сарацины опустошали далматинское побережье, разрушая города. „Latini autem fugientes, montana petebant, quo ¹⁾ Sclavi habitabant, revertentes in suas civitates; sed Sclayi comprehendentes illos, pro servis tenuerunt. Post haec plurimi Latinos dimiserunt tali pacto, ut omni tempore tributa eis redderent et servitia exerceant, sicque coeperunt reaedificare civitates maritimas, a Saracenis destructas. Per idem tempus Romani parentes Belli, qui et Bellimirus, quod non possent sustinere Magnatum Romanorum insidias atque inimicitias... exeuntes omnes de civitate una cum Bello, (Schwandtner: uxoribus) et filiis ac filiabus milites numero quingenti, acceptis parvulis et mulieribus, venerunt Apuliam; inde intrantes naves, transfretaverunt in partes Dalmatiae, venerunt ad portum, qui Gravosa dicitur et Umbla: miserunt enim Sclavi Bello, qui et Paulimirus, nuntios, ut veniret accipere regnum patrum suorum, et hac de causa secuti sunt illum parentes ejus. Igitur descendentes de navibus construxerunt castellum, et habitaverunt ibi. Audientes homines Epidauriae civitatis, qui per silvas et montana manebant, quod Bellus cum Romanis venisset et castellum fecisset ²⁾, congregantes se, venerunt, et una cum ipsis aedificaverunt civitatem supra mare in ripis marinis, quas Epidaurii, (Schw. in) lingua sua Laus dicunt; unde ea civitas Lausium vocata est, quae postea (R. pro) ³⁾ L. posito Ragusium appellata est. Sclavi vero Dubrovnich appellaverunt, id est Sylvester sive Sylvestris, quoniam, quando eam aedificaverunt, de sylva venerunt. Schw. c. XX=Črnđ. c. XXVI.

Ваня, жупаня, „et maxime populus terrae Sclavorum“, принимаютъ радостно Павлимйра, который въ день Вознесенія вѣнчается на цар-

¹⁾ Schwandtner: quae.

²⁾ Schwandtner: venissent, fecissent.

³⁾ Въ итальянскомъ переводѣ *Maera Orbino* (Pesaro, 1601): ma poi mutata in L. in R fu detto Rausa.

ство въ Требинѣ. Только Лютомірѣ, жунаѣ Раси, думаетъ ему противиться, но разбитъ. „Igitur, causa victoriae, Romani, qui cum Rege erant, aedificaverunt ecclesiam in Rassia ad honorem B. Petri Apostoli in loco propinquo Caldanae, et non multum longe ab eadem ecclesia in uno monticulo construxit rex castellum, vocavitque illud suo nomine Bello ¹⁾); ecclesiam autem supradictam statuit episcopatum fieri, ordinavitque ibi episcopum et episcopatum, usque in praesentem diem; post haec coepit rex perambulare per terram, et per regnum suum (Schw. гл. XXI=Črn. с. XXVII). О смерти его говорится позднѣе: quadam autem die dum intraret in unum oppidum Tribuniae subitanea morte defunctus est (Schw. XXII=Črn. с. XXVII).

Не смотря на различныя попытки упредить за Дуклянскою хроникой (нап. въ 1143 — 1153 г.) ²⁾, хотя бы отчасти, значеніе историческаго памятника, въ ней такъ мало исторической правды, такое обиліе анахронизмовъ и путаница именъ, что она навсегда останется для насъ отголоскомъ, не столько достоверныхъ реальныхъ отношеній, сколько эпическихъ народныхъ преданій ³⁾. Самъ Дуклянскій пресвитеръ указываетъ, что его источникъ былъ устный, традиціонный, разказы стариковъ: nullus legentium credat, alia me scripsisse, praeterea, quae a Patribus nostris et antiquis senioribus, veridica narratione referre audivi ⁴⁾. Въ то время, замѣчаетъ Кукулевичъ ⁵⁾, — все писалось такъ, какъ сказывали или пѣли старики, и исторія творилась, какъ и теперь еще нашъ народъ творитъ свои юнаціи пѣсни. Рачкій (I. с., стр. 215 слѣд.) даетъ приведенному тотчасъ показанію пресвитера о традиціонномъ источникѣ его разказа болѣе широкое толкованіе, предполагающее и устные преданія, и письменныя памяти ⁶⁾. Тѣ и другія легли въ основаніе второй частѣ

¹⁾ См. гл. XXII: Паванирѣ побѣдилъ Среняѣ и Венгровъ: ab illo ergo die dicta est planities illa, in qua factum proelium, Bellina, nomine Regis ob victoriam, quam habuit ibi rex, usque hodie.

²⁾ См. статью Рачкаго въ *Книжезеникѣ*, I, р. 204.

³⁾ См. предисловіе Кукулевича къ хорватской хроникѣ XII в., въ *Arhiv za povestinski jugoslavenski*, кн. I (1851 г.): *Kronika hrvatska iz XII vѣka* р. 2—3. — *Rački*, въ *Književnik* I, 222; *Дринцовъ*, Южные Славяне и Византия въ X-мъ вѣкѣ (1876), стр. 141 и далѣе.

⁴⁾ *Schwandner*, I. с., стр. 476: *Ingressus Auctoris*; Črn. р. 1.

⁵⁾ I. с. стр. 3.

⁶⁾ Въ итальянскомъ переводѣ Дуклянской хроники, сдѣланномъ Мавро Ор-

Дуклянской лѣтописи, начиная съ ея 20-й главы; что касается первой части, то ея источникомъ былъ, по мнѣнію Рачкаго (ib. 215), упоминаемый пресвитеромъ (см. предисловіе къ Дуклянской хроникѣ: *Ingressus auctoris*) *libellus Gothorum*, который онъ перевелъ съ славянскаго языка на латинскій. Но этотъ *libellus Gothorum* полонъ баснословныхъ подробностей, дѣлающихъ первую часть Дуклянской лѣтописи совершенно непригодною для изученія хорватско-сербской исторіи (Рачкій, I. с., 217). Образцомъ можетъ служить разказъ о Радославѣ.

Это не помѣшало позднѣйшимъ историкамъ отнестись къ такому матеріалу, какъ вполне достовѣрному и историческому. Они могли находить его и въ Дуклянской хроникѣ, и въ другихъ лѣтописяхъ того же характера, воспроизводившихъ другіе варианты тѣхъ же сказаній. Мы увидимъ далѣе признаки такихъ вариантовъ въ легендѣ о Радославѣ; пока замѣтимъ, что и разказъ Евсеія Кабоги¹⁾ о Павлимірѣ представляетъ отличія отъ дуклянскаго текста, хотя, быть можетъ, ихъ слѣдуетъ объяснить не существованіемъ особой редакціи сказанія, а компендіозностью изложенія. У Кабоги Чаславъ *patruelis* Павлиміра; ни отецъ, ни дѣдъ Павлиміра (*avita sceptr*) не названы, и неясно, кому именно вѣняется *parricidii scelus*. Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что мы имѣемъ дѣло лишь съ отрывкомъ изъ хроники Кабоги. Вотъ самый разказъ: *Qui (то есть Павлиміръ) regium stemma, quo ortus erat, non magis bellica virtute, quam et Belli cognomen indiderat, quam pietate exornavit. Studio enim Optimatum Regni sui ad avita sceptr* capessenda evocatus, *affinitate, quam parricidii scelus infecerat, jam merito extincta, postquam Scislavi patruelis impietas aliquandiu exulare fecisset, ex sanctitatis asylo Romae religione satis imbutus, pietati apprime studens, Roma sacra martyrum pignora, ad Regni sui auspicia feliciter capessenda permissu Romani Pontificis asportat, nobilissimo frequentique illo suo comitatu egressus, et ubi primum navibus Dalmatiam appulit, clarissimi facinoris aliquod emolumentum dare studens, ibi Ragusae urbis, quam Epidauritani dirutae Patriae loco quamvis perexiguus initiis excitare moliti fuerant, saracenicaque vis progressum inhibuerat, felici omine instaurare aggressus est.*—Слѣдуетъ

бино, словамъ латинскаго текста: *referre audivi* отвѣчаютъ слѣдующія: (*eccetto quello che*) *lessi e intesi...* raccontare. Было ли такъ и въ подлинникѣ Орбини?

¹⁾ *Махуицъ*, I. с., стр. 2—3, прим. 2-е.

разказъ объ устроении города и въ немъ епископства" *motu apostolicae sedis*".

Андрей Качичъ ¹⁾ слѣдуетъ, съ небольшими отмѣнами, изложенію Дуклянской хроники о короляхъ Радославѣ, Чаславѣ и Павлимирѣ. Разрывъ Часлава съ отцемъ, отъ котораго отложились Лика и Кербавъ, воспроизведенъ въ существенно тѣхъ же чертахъ. Павлимиръ названъ Bello не за свою воинственность, какъ у Дуклянца и Кабоги, а за красоту; bello по славянски значитъ: лѣпный; толкованіе, принадлежащее, быть можетъ, самому Качичу. Наконецъ, названіе Дубровника ведется не отъ того, что его соорудили жители дубравы, а отъ дубравы тамъ росшей.

Повѣсть о Павлимирѣ вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими легендарными отрывками далматинскихъ лѣтописей (напримѣръ, легендой о св. Иларіонѣ) дала сюжетъ одной драмѣ Пальмотича, съ содержаніемъ которой познакомила меня „Исторія дубровницкой драмы“ Павича ²⁾. Король Павлимиръ плыветъ изъ Рима въ Словинскіе края, гдѣ когда-то царилъ его дѣдъ. Глава вилъ и виленицъ, Strmogor, чуя бѣду, посылаетъ къ Студеницѣ, что держитъ вѣтры, Тмора и Снѣжницу, чтобы возбудить бурю и взволновать море на гибель Павлимиру. Но святыня, при немъ находившаяся, спасаетъ одну его ладью, которая пристаётъ къ берегу.

Тморъ и Снѣжница доносятъ Strmogor'у о своей неудачѣ; еще болѣе печалитъ ихъ то, что они видѣли народъ, шедшій въ церковь памятовать побѣду св. Иларіона надъ дракономъ Воасомъ, такъ названнымъ потому, что онъ поѣдалъ цѣлыхъ воловъ. Strmogor продолжаетъ бодриться, понуждая своихъ приспѣшниковъ къ новымъ подвигамъ. Тморъ хочетъ преобразиться въ пастуха и возмутить народъ, говоря имъ, что Павлимиръ идетъ съ цѣлью подчинить ихъ себѣ. Съ тою же цѣлью Снѣжница спѣшитъ въ Требинье.

Слѣдующія сцены выводятъ передъ нами Павлимира и пастуховъ, направляющихся въ церковь славить память св. Иларіона.

По этому поводу разказывается о томъ, какъ святой изгналъ и сжегъ змѣя, палившаго страну вокругъ Эпидавра. Теперь его наслѣдникъ — пустынный Сергій, живущій въ пещерѣ, откуда ему вѣдомо

¹⁾ *Andrie Kačića, Razgovor ugodni Naroda Slavinskoga etc. izdao V. J. Dunđer kn. perva. U Beču. 1836, p. 32—59.*

²⁾ *Historija Dubrovačke drame napisao Prof. Armin Pavlič. U Zagrebu, 1871, стр. 146—154.*

все, что дѣлается на свѣтѣ: св. Иларіонъ написалъ тамъ по порядку, что въ будущемъ приключится мѣсту, гдѣ нынѣ живутъ разсѣянные Эпидавряне. Все это Сергій растолкуетъ сегодня же народу.

У него племянница Маргарита, дочь его сестры, потомокъ того бана, что разбилъ Остроготовъ. Она выходитъ на сцену, ведя съ собою дѣвушекъ въ церковь. Павлимиръ влюбляется въ нее; онъ колеблется между мыслью о бракѣ и своимъ царскимъ призваніемъ. Дружина поддерживаетъ его въ первомъ намѣреніи. Появленіе Сергія; Павлимиръ рассказываетъ ему о своей судьбѣ, дѣдѣ Радославѣ, дядѣ Чаславѣ и т. п., какъ словенскіе баны позвали его на престолъ, но его суда, за исключеніемъ одного, погибли въ морѣ. Пустынникъ радуется его пришествію, которое будетъ счастливо для страны, и выразивъ надежду, что суда еще найдутся, ведетъ его въ свою пещеру, гдѣ Павлимиръ, разпросивъ Сергія о его родѣ, проситъ руки его племянницы. Призываютъ Маргариту, которая сама влюбилась въ Павлимира.

Между тѣмъ Тморъ и Спѣжница дѣлаютъ всѣ усилія, чтобъ повредить Павлимиру; первый является къ нему въ образѣ Krstimir'a, будто бы спасающагося отъ гибели въ морѣ, Спѣжница — въ образѣ Маргариты; но всѣхъ ихъ козни провидитъ Сергій, или онѣ оказываются ничтожными передъ силой Сергія. Сергій открываетъ ихъ народу и затѣмъ пророчитъ будущность Дубровника: въ дубравѣ Павлимиръ соорудитъ городъ, который будетъ славенъ надо всѣми:

Hodi kralju izabrani,
Hod uzroče naše greče
nam a nebesa obećani
grad zidati poćni veće;
nikni liepi Dubrovniće,
nikni, nikni slavni grade,
odkli zarko sunce ističe
dokli u more opet pade.
Prave vječna gdje sloboda
ima driať svoje pristolje
svietla utjecat gdje gospoda
u te se će sred nevolje.

Является вѣстникъ и говорить, что Krstimirъ съ остальною дружиной Павлимира, которую считали погибшею въ морѣ, пристали къ берегу. Павлимиръ, обращаясь къ нимъ, говоритъ, что по рѣшенію небесъ онъ поставитъ здѣсь городъ, женится, и пусть каждый поступитъ также. Дѣвушки рады выйти за Латинянь; онѣ сами латинскаго

рода. Драма кончается вѣнчаніемъ Павлиміра и Маргариты на царство Славинъ и Восняковъ; дружинѣ своей король предоставилъ созданный имъ городъ Дубровникъ.

Разказы о Павлимірѣ не на столько удалили меня отъ моего сюжета, какъ то можетъ показаться. Возвращаясь къ герою поэмъ Павловича, Радо, въ которомъ я подозрѣваю какого-нибудь легендарнаго Радослава. Его жена названа Маргаритой; тожество этого имени съ именемъ жены Павлиміра у Пальмотича случайно остановило меня. Я спросилъ себя: не произошла ли здѣсь замѣна одного имени другимъ—Радослава Павлиміромъ, или на оборотъ?

Хорватская хроника, изданная Кукулевичемъ ¹⁾, пользовалась для первой своей части тѣмъ же *libellus Gothorum*, который переведенъ былъ и Дуклянскимъ пресвитеромъ ²⁾, но въ иной редакціи, въ которой Радославъ игралъ роль Павлиміра. Вотъ содержаніе соотвѣтствующаго эпизода: У Радослава, сына Свѣтосара (рпк. *Svetozak*), сынъ *Seislav* (*Ciaslaus* дуклинца), *ki se prozva odmetnik* (*apostata* у Марулича). Когда онъ возсталъ на отца съ цѣлю отнять у него власть, Радославъ выступилъ противъ отметниковъ и поразилъ ихъ: иныхъ отпустилъ на свободу, другихъ отдалъ въ рабство своимъ витязямъ. За это разгнѣвался на него Сейславъ, и переманивъ на свою сторону многихъ князей и сотниковъ и витязей короля, прогналъ своего отца. Бѣгство Радослава передъ сыномъ (*Radosalj kami*; путь въ Апулію и въ Римъ), княженіе и смерть Сейслава разказаны съ тѣми же подробностями, и лишь съ незначительными отличіями, какъ и въ лѣтописи Дуклянца. Когда Сейслава, изувѣченнаго, бросили въ Саву, гдѣ онъ и погибаетъ, лѣтописецъ продолжаетъ: „i tako stvoreno bi i izpunjeno na glavi njegovi proklestvo na njem učinjeno od dobrog kralja, ota njegova, zaš on, i vas dom njegov zlom smrtju poginuše, i za[I] konac učiniše. I tako pojde po zlu Seislav, on i duša njegova. Po tom učinjenju slišavše dobri kralj i dostojni Radoslav smrt i gore dostojnu sina svoga Seislava i naslidnikov njegovih, zahvali Bogu, koji pravedno sudi. I vrati se kralj k mistu svomu z blagoslovem svetoga ota pape. I prišadči meu nedostojne Hrvate dobra gospodina,

¹⁾ *Arhiv*, I. c.; Кукулевичъ относитъ ее къ XII в., Рачић, I. c., стр. 225 склоненъ отнести ее къ XIII и даже къ началу XIV столѣтія. Также Уричич, I. c., р. XI—XIII; Яничъ—къ XV в. Слѣдующія извлеченія изъ хроники сдѣланы по изданію Уричича, I. c., 1—37.

²⁾ *Rački*, I. c., 224.

i zabivše sve njih učinjenje, koje suprotiva njemu bihu učinili, gospodova sve s pravdom, kako da bi ništar nigdar učinjeno bilo“. По его смерти, царствуетъ сынъ его Коломанъ (Cin., cc. XXIII—XXIV).

Мы имѣемъ дѣло съ особою редакціей сказанія, извѣстною и по переводу Марулича ¹⁾: о вторичномъ бракѣ Радослава, о его сынѣ Петриславѣ и внукаѣ Павлимирѣ нѣтъ и рѣчи: самъ Радославъ возвращается на царство.

Третью, какъ бы посредствующую редакцію, представляютъ разказы, выводящіе на сцену двухъ Радославовъ. „Всѣ лѣтописи“, говоритъ г. Макушевъ ²⁾,—„единогласно относятъ первыя поселенія Славянъ между эпидавро-салонитавскими выходцами ко временамъ Радослава Белла, но не согласны относительно вѣка, когда онъ жилъ (VI—VII вв.). Нѣкоторые изъ лѣтописей различаютъ двухъ Радославовъ, изъ коихъ одинъ жилъ въ началѣ VI, а другой—во второй половинѣ VII вѣка; отъ деспотизма этого послѣдняго много Босняковъ бѣжало въ „Дубровникъ“. Италіанская лѣтопись Дубровника, напечатанная г. Макушевымъ въ приложеніи къ своему труду ³⁾ и относимая къ XIV вѣку, говоритъ о трехъ Радославахъ, изъ которыхъ первый отвѣчаетъ Радославу Дуклянской хроники, второй—ея Павлимиру, а третій, не идущій къ сравненію, и есть тотъ, деспотизмъ котораго вызвалъ выселеніе Босняковъ.

Вотъ отрывки самой хроники:

Incomenza la edificazion de la terra di Raguxa edificato per Rè Radoslavo Bello fiol del Rè Stefano (?)... ⁴⁾ nato in Roma de stirpe Bosnese per paterna linea, e per linea femenina de Romani, qual fò de stirpe regal de Rè Radoslavo, chazato per suo fiol Besislavo (?), come intenderete in prozesi de baso, et questo fò da poi nascimento de Jesu Christo nostro Signor. 526.

Fò edificato una torre sopra le ripe del mare per Rè Radoslavo Bello; a la tore e vel chastelo pose nome Chastel Lave, significa dito Romano: fortezza; in la qual tore a posto 50 fioli de li Baroni Bosnesi per stagio de la sicurtà de la sua persona et soi Baroni venuti con Rè Radoslavo de Roma, et a posto tutto suo avere, reliquie sancte, le qual a portato con secho de Roma (слѣдуетъ ихъ перечисленіе).

¹⁾ *Marci Maruli Regum Dalmatiae et Croatiae gesta*, cap. X—XI (*Schivandlner*, l. c., t. III, pp. 519—522). Сл. *Arktiv*, l. c., p. 2.

²⁾ Л. с., стр. 3, прим. 1.

³⁾ Л. с., стр. 305—315.

⁴⁾ Пропускъ въ самомъ текстѣ хроники.

527 Fò sotomese tuto regname in uno ano pazificante lo Rè Radoslavo de Bosna perchè lo regname ad esso sucjedeve et altro non era ezeto lui; et per tal cagione tutti l'azetavan per suo signor pazifico.

Смерть короля Радослава (Павлимира) разказана подъ 528 г. иначе, чѣмъ въ извѣстныхъ намъ редакціяхъ: Fo venuto Radoslavo Rè a la fiumara de Unaa per pasar per andar a la marina a lo Chastel de Lave per pigliar tuto suo haver et sue reliquie, et volendo pasar sopra li zerepi, volse la sua desventura, li zerepi si reversarono; et se anegono tuti con Rè Radoslavo. Такъ какъ у него не было наслѣдника, то въ странѣ явилась усобица: tutto paese remase in se diviso, et parjechi Romani remasero in Bosna Signori, et ogidl si trova de la linea Romana in dicto paese de Bosna de quelli, li quali sono sxa (?) venute con Rè Radoslavo de Roma. Внутренніе раздоры, помѣченные подъ 528 и 529 годами и продолжавшіеся 24 года (слѣдующая за тѣмъ хронологическая помѣтка относится къ 553 году) привели въ Chastel de Lave и Рагузу много бѣглецовъ, Восняковъ и Римлянъ: etiam molti Romani, quelli che son posti in governo di Casteli, tere, vile: conti, Naredbenizi, et questo per esser chazati de Bosna de li signori più potenti. Дубровникъ разрастается пришельцами и богатѣетъ среди то враждебныхъ, то мирныхъ отношеній къ Босанскому королю Степану и Радославу ¹⁾, королю Хорватовъ, завладѣвшему и Босною по смерти Степана (687 г.), не оставившаго наслѣдника. Тираниі Радослава привела къ новому выселенію, которое обратилось въ Дубровникъ (743 г.) и вызвало здѣсь внутреннюю борьбу и вопросы самоустроенія (744 г.). Въ 754 году впервые помѣчено извѣстіе о нападеніяхъ корсаровъ, Сарагинъ и Мавровъ; городъ начинаетъ укрѣпляться (771, 781 гг.).

782. A Raguxi prima Galea e due fuste, e duo arsenali sono fati per reduto dela Galea, e che due fuste per Corsari Sarageni, perchè venivano (na)scosamente, et fazeano grande dano per tutto Colfo.

783. Furono fatte due statue a Raguxa per un segnor Frãnese Rolando, qual fo victorioso qui appresso Raguxa djedro Locrema circa dieci miglia over (ov'era?) preso uno Corsaro deli Saragini per nome Saragino Spuzentè. Qual statua fece Orlando de tutti duo: le sue statue feze far dove fo ponto, per lo qual si passava a Raguxa, perchè li feze a quel loco, perchè in colfo non si poteva abitar per caxon sua,

¹⁾ Radosav, въ хроникѣ Дубровника; по списку Стуллича, I. с., стр. 316: Radoslavo.

e lui si fece al ponte perchè fo liberator dela nostra patria Raguxa. Et statua de Swardo—duxzi (puzzolente) Saragiu fo fata ale porte de nostro Arsenal per caxon, perchè li Raguxei an ajutato Orlando con la Galia, e con duo fusta. Qual Raguxei prima vittoria an fato con ajuto de Orlando. Da quel dì poche volte sono stati Saragini in Colfo perchè la sua po....

На этомъ, къ сожалѣнію, обрывается интересный для насъ отрывокъ хроники. Далѣе разсказывается подъ 789 годомъ о появленіи страшнаго дракона, и подъ 802—подробно о томъ, какъ св. Иларіонъ, прибывшій изъ Аравіи, избавилъ жителей отъ чудовища, которому поклонялись еще древніе Эпидавріане: преданіе, извѣстное уже блаженному Іерониму (Hieron. in Hilar. vita). Дубровничане крестятся: до тѣхъ поръ они „chredevano a li indivini, a le incantatrize, a li insonii, a le posloxeche (.....) davano fede ale cjavonize (fatuchjare)“. Иларіонъ ходитъ по Боснѣ, Vlachia, e revoltava de fede Grechexa in la fede Christiana. Позднѣе подъ 813 и 815 гг. поминается его спутникъ священникъ Сергій ¹⁾, пустынникъ Сергій Пальмотича, котораго онъ сдѣлалъ современникомъ Павлиміра, и того и другаго приурочилъ позднѣе св. Иларіона.

III.

Приведенные отрывки изъ Дубровницкой хроники приводятъ къ нѣкоторымъ заключеніямъ, или лучше сказать, предположеніямъ. Павлиміръ Дуклянца, Качича и Пальмотича тождественъ съ Радославомъ хорватской хроники и со вторымъ Радославомъ Bello италіанской лѣтописи; какъ Павлиміръ-Радославъ женится на Маргаритѣ (Пальмотичъ), такъ и Радо-Радославъ въ поэмѣ Павловича. Послѣдній называетъ своего героя: Stizuxo, то-есть, Stizzoso, гнѣвнымъ; названіе Радослава: Bello, которое Качичъ объясняетъ его красотой, понималось и въ иномъ значеніи; вспомнимъ, что по Дуклянской лѣтописи Радославъ преимущественно bellator, и что названіе Bello дано ему потому quod bellum facere valde delectabatur. То же объясненіе мы встрѣтили у Кабоги. Bello, стало быть:—воинственный, храбрый, неистовый (гнѣвный).

Отношеніе Радо къ героямъ Карловингскаго цикла въ поэмахъ Павловича можетъ быть постановлено въ параллель къ отрывку Кар-

¹⁾ Plevan Dum Sarg; въ хроникѣ Стуалича, l. c., стр. 317: D. Sergio.

ловингской саги, такъ неожиданно повѣстившемуся въ итальянской Дубровницкой хроникѣ подъ 783 годомъ. Я разуюю разказъ о Роландѣ и Сарацинѣ и ихъ статуяхъ. Столбы статуй Роланда разсыяны по большей части Европы; иныя, еще недавно поддержанное Нуго Меуер'омъ, о ихъ религіозно-ижеическомъ значеніи едва ли не грѣшнть крайностью. На ту или другую статую, изображавшую неивѣстнаго богатыря, великана, могли одинаково переносить имя Роланда. Для того, чтобы такое перенесеніе стало возможнымъ, необходимо допустить въ данной мѣстности, среди грамотнаго люда, неивѣстное знакомство съ образами и отношеніями Карловингской саги. Выше было указано на популярность послѣдней въ сѣверныхъ областяхъ Италіи уже въ XIII вѣкѣ; отсюда она легко могла переселиться къ итальянскому населенію дамматискаго побережья. Я особенно имѣю въ виду ту специально итальянскую форму саги, какую она получила въ такъ называемыхъ *Reali di Francia*. Ихъ особенность состоитъ въ приуроченіи карловингскихъ сказаній и эпическихъ дѣятелей къ преданію римской государственной и династической цѣльности, въ которой Италіанецъ видѣлъ идеальное продолженіе своей прошлой народной жизни. Пипинъ, Карлъ, Роландъ пристраивались къ династіи Константина Великаго, къ его имени привязывалось для Италіанца своеобразное развитіе французскаго эпоса. Та же римская, или ближе, римско-католическая идея слышна и у Дуклянца, и въ хорватской и итальянской хроникахъ, и у Пальмотича, и въ своеобразномъ смѣшеніи славянскихъ героевъ съ королевичами Франціи (изъ константиновскаго рода?) въ поэмахъ Павловича. Въ драмѣ „Павлимиръ“ дубровницкія дѣвушки радуются, что выйдутъ за Латиняны: онѣ сами Латинянки. Италіанская хроника особенно налегаетъ на то, что Радославъ Велло по матери Римлянинъ; отъ дружины, сопровождавшей его изъ Рима, пошли въ Босніи тѣ римскіе роды, которые были правительствующими; изъ Рима, убѣжища святости, гдѣ онъ самъ просвѣтился, Павлимиръ вывозитъ св. мощи; учреждаетъ для Дубровника, по внушенію папской куріи, особое епископство (Кабога); разбивъ Лютоміра, ставитъ церковь во имя апостола Петра (Дуклинская хроника). Всюду замѣтно стремленіе привязать первоначальную эпическую лѣтопись Дубровника къ римскимъ началамъ, какъ *Reali di Francia* также поступаютъ съ французскимъ повѣствовательнымъ матеріаломъ. Это сопоставленіе можетъ пролить нѣкоторый свѣтъ на смѣшеніе сюжетовъ въ поэмахъ Павловича, о которыхъ я надѣюсь сообщить со временемъ болѣе точныя и подробныя свѣдѣнія. Пока

укажу на интересное наслоение преданія—процессъ далеко не рѣдкій въ народномъ эпосѣ: какъ борьба св. Иларіона съ дракономъ могла смѣшиться въ повѣртіи преданіемъ о битвѣ Роланда съ Сарациномъ, такъ гротъ св. Цесаріи въ Апуліи, на япигійскомъ мысу, былъ въ древнее время сценой борьбы Иракла съ гигантами, а въ средніе вѣка пріютилъ у себя преданіе о войнахъ Карла Великаго съ Маврами.

IV.

Предложенныя замѣтки ¹⁾ имѣютъ, по отношенію къ поэмамъ Павловича, лишь гадательное значеніе. Знакомство съ содержаніемъ поэмъ можетъ значительно измѣнить наши домысли объ ихъ сюжетѣ, либо и вовсе устранить ихъ. Не трудно замѣтить, что легенда о Радославѣ-Павлимирѣ не отвѣчаетъ нѣкоторымъ подробностямъ, извѣстнымъ намъ о сюжетѣ поэмъ; такъ напримѣръ, она ничего не знаетъ о сыновьяхъ Радѣ и ихъ мести, и на оборотъ, Дуклянская лѣтопись знаетъ еще двухъ другихъ Радославовъ, изъ которыхъ одинъ, «*juvenis potens et strenuus armis*», является въ прекрасномъ эпическомъ разказѣ о борьбѣ съ Греками, наследуетъ на царствѣ брату своему Михаилу, но принужденъ уступить, вмѣстѣ съ своими восемью сыновьями передъ племянникомъ Бодиномъ. „*Rex autem, qui mansuetus erat et pacificus, noluit bellum cum eo committere, sed secessit humiliter cum filiis suis in Tribuniam regionem. Ita senex et plenus dierum dormivit cum patribus suis* (см. изд. Сгнѣица, ср. XXXVII — XLI). Могутъ, наконецъ, представиться и другія отождествленія съ матеріаломъ, далекимъ отъ хроники и помѣченныхъ въ ней именъ и разказовъ, но вѣроятнѣе всего—славянскимъ. Вотъ эта-то сторона дѣла и заставила насъ обратить вниманіе на поэму, герой которой носитъ славянское имя, а авторъ былъ Дубровчанинъ. Изученіе италіанско-славянскихъ литературныхъ отношеній еще можетъ повести къ любопытнымъ открытіямъ. Легко предположить а priori, что народные пѣвцы были издавна носителями обоюдныхъ пѣсенныхъ вліаній на томъ и другомъ берегу Адріатики. Славянскіе музыканты (сл. *схлѣбѣуѣ та ѡргана фоз-*

¹⁾ Онѣ составлены были, въ главныхъ чертахъ, два года тому назадъ, но и не рѣшался печатать ихъ, не попытавшись сначала познакомиться съ самими поэмами Павловича. Только безуспѣшность этихъ попытокъ побудила меня напечатать эти строки, какъ побужденіе и указаніе для болѣе удачнаго изслѣдователя.

ωντας, Constant. Porphyrog. De Caerim. aulae, lib. I, cap. 72, у Iagić'a Gradja, стр. 56) и скороходы (см. *Slavus saltans* у *Ermengicus Augiensis* IX в., Pertz, Script. II, 101, у Iagić, l. c.) могли проникать въ Италию, гдѣ *tomi schiavoneschi* засвидѣтельствованы для XIV и XV вѣка. Съ другой стороны жонглеры (*giullari*) XIII и XIV вѣка, толпившіеся при дворахъ сѣверно-италианскихъ властителей, Эццелиновъ и Скалигеровъ, могли заходить на рубежи италианско-славянскаго міра и заносить туды разказы о Карловингахъ и рыцаряхъ Круглаго стола, издавна популярныя въ Италиі. Въ средѣ тѣхъ же жонглеровъ, но уже спустившихся на площадь и къ народной толпѣ, раздавались пѣсни о *Buovo d'Antona* и объ Атилѣ, извѣстныя и въ старорусскихъ пересказахъ. Какъ эти пѣсни приурочиваются, по своему происхожденію, къ Венеціанской области, такъ и ихъ пѣвцы. Послѣдніе до сихъ поръ доживаютъ свою долгую историческую жизнь въ округахъ Падун и Венеціи, но уже совсѣмъ снизошли до низменной роли потѣшниковъ и до публички, посѣщающей кафе. Вооруженные какимъ-то одноструннымъ инструментомъ, съ дощечкой для добротныхъ даяній, укрѣпленной къ рукояткѣ, они ограничиваютъ свою поэтическую дѣятельность произнесеніемъ на распѣвъ двустипшіи сатирическаго, пріятнаго, гадательнаго содержанія, которыя перемежаютъ припѣвомъ — ритурнелемъ, откуда заимствовано, вѣроятно, и ихъ названіе въ народѣ: *torototela* — *torotota* ¹⁾. Подробное описаніе этого одноструннаго инструмента было бы желательно: оно болѣе походитъ на сербскія гусле ²⁾, чѣмъ на скрипку, которой обыкновенно вооружены народные пѣвцы средней Италиі ³⁾. Что до *torototela-torotota*, то они напоминаютъ мнѣ южно-славянскихъ тамбурашей. Вотъ что говоритъ о нихъ *Čuhač*. *Tanburaši* pjevaju ponajviše domoljubne pjesme, ali su skloni i humoru; šaljive dapače pjesme, njeguju osobito ljubavlju. Teksti ovih pjesama spjevaju obično sami tanburaši, radi čega im je oblik vrlo slab, ale je u njih krasnih dosjetaka i raznih političkih i inih zabadanja. Često ti je zbilja za čudo, koli dobro znadu tanburaši javne naše odnošaje, i koli ih satirski rešetaju. Ovakovih je pjesama vrlo teško od njih dobiti, jer im je načelo, da se pjevana rieč može pred političjom zanjaketi, ali pisana ili od njih dikto-

¹⁾ *Rajna*, I Reali di Francia, стр. 127, примѣч.

²⁾ См. *Čuhač*, Prilog za povjest glasbe južnoslavjenske, *Rad jugoslavenske Akad. knjiga XXXIX* стр. 2 — 62.

³⁾ Смотри выше гравюру пѣвца въ первой повѣсти Павловича.

vana da joj može biti dovoljnim dokazom proti njim.... Tanburaši dje-luju na narod ne malo; tako prevratnih godina 1848—1849 mnogo pripomogoše, da Slavonci uzplamte za bana Jelačića, a narodni naši politici znadoše dobro što čine, pozivajući djake, činovnike i druge obrazovane ljude, neka ustrojavaju tanburaška društva. Onih kobnih godina bješe mnogo ovakovih narodnih glasbenika, a mnogi od najodlični-jih domoljuba slavonskih bijahu u ovih društvih izvršujući članovi ¹⁾. — Тамбураши обыкновенно соединяются въ общества изъ трехъ, пяти, или десяти человекъ, которые носятъ особыя имена: первый зовется primaš; названія другихъ: šanguraš (kontraš), bugarijaš, berdetaš, ša-rač, biserničar ²⁾; они заходятъ иногда во Францію, Бельгію и Гер-манию ³⁾ — какъ въ старину обходили германско-романскій міръ бродячіе шпильманы, ваганты и голиарды. Название primaš напоми-наетъ мнѣ одно изъ типическихъ именъ голиардовъ, популярное въ сре-дѣ этихъ международныхъ поэтовъ, разрывавшихъ географическую зам-кнутость средневѣковой Европы, пѣвшихъ про реальную любовь и животное веселье въ разрывъ съ рыцарскою лирикой, не щадившихъ своею сатирой ни церковныя порядки, ни самый Римъ. Primaš vagus, Primaš vilissimus, Primaš presbyter, archiprimaš vagorum scolarium, или просто primaš — вѣроятно, не опредѣленная личность, а особый типъ ваганта — шутника, импровизатора, не гонящегося за правильнымъ стихомъ, балагура и эпикурейца низкаго разбора. Зальцбургскаго архіепископа онъ забавляетъ такими метрическими выходами:

Mittitur in disco mihi piscis ab archiepiscopo —
Po; non inclino, quia missio fit sine vino;

или:

Inter convivas est ablatum mihi vi vas (то-есть, vini vas).

Его встрѣчаютъ во Франціи, на Рейнѣ, въ Штирин, Баваріи, Мо-

¹⁾ *Čuhalč*, I. с. стр. 78, 81. См. также стр. 76 о распространеніи Танбуры (итал. colascione, colachon): najviše tanbura ima u južnih Slovjena, najprve po Srijemu, Bačkoj, Banatu, Slavoniji, Bugarskoj, Srbiji i u napuljskih Slovjena; pomanje ih ima po Hrvatskoj, Medjumurju, Dalmaciji, Bosnoj, Crnoj Gori, Ugarskoj, i u Slovjena dolnje Austrije, a još manje po Štajerskoj, Koruškoj, Kranjskoj, i Istri.

²⁾ См. I. с., 81—2; объясненіе этихъ названій въ перечнѣ на стр. 99—103.

³⁾ L. с., стр. 76—7.

равин¹⁾: онъ поетъ и забавляетъ, прожигая жизнь; когда онъ состарѣется, онъ затянетъ грустную пѣснь про свое нищее житье-бытье:

Panpertatis fero pondus;
 Meus ager, meus fundus,
 Domus mea — totus mundus
 Quem pererro vagabundus,
 Olim foelix et facundus,
 Et facetus et facundus,
 Movens jocus et jocundus;
 Quondam primus, nunc secundus,
 Victum quaero verescundus²⁾.

Название *primas*, какъ кличка ваганта, едва ли слѣдуетъ, вмѣстѣ съ Гизебрехтомъ, связывать съ іерархическимъ значеніемъ этого титула, хотя клерикально-школьная подкладка вагантства и особое развитіе среди нихъ церковной сатиры и не противорѣчатъ такому сближенію. Естественнѣе понимать съ Бюдингеромъ, что *primas* — былъ просто вожакъ бродячихъ пѣвцовъ — въ этомъ смыслѣ я и допустилъ сближеніе съ южно-славянскимъ *примаšemъ* 3).

¹⁾ Hubatsch, Die lateinischen Vaganten des Mittelalters, p. 92—3; Bädinger Ueber einige Reste der Vagantenpoesie in Oesterreich, въ *Sitzungsber. d. kais. Akad. d. Wiss. in Wien*, Philos. hist. Cl. XIII B., 1854, p. 321 seqq.

²⁾ Wright, The latin poems commonly attributed to Walter Mapes, p. 66.

³⁾ Одно изъ стихотвореній, приписанныхъ *Primas'u* (*In cratere meo Thetis es conjuncta Lien*), встрѣтилось мнѣ, лѣтъ десять тому назадъ, въ одной рукописи XV вѣка (Riccard. № 688) вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими пѣснями того же содержания. Въ сомагънѣи, мои выписки оказались отрывочными; сообщаю ихъ въ виду интереса, снова возбужденнаго къ памятникамъ средневѣковой латинской поэзіи.

Est mihi cor vanum binum dum bibo fianum,
 Dum vernaccinum, bix possum ferro latinum,
 Sed dum bibo grecum, nulla est discretio mecum.

Plenus habet venter in pectore gaudia semper,
 Si vacuus fuerit gaudia nulla gerit.
 Cum bene sum potus, in versibus affluo totus,
 Cum sum jejunos sum de peioribus unus.

Quicunque vult esse frater, bibat semel, bibat ter et quater,
 Item semel et secundo, donec nichil sit in fundo.

(Wattenbach, Die Anfänge lateinischer profaner Rhythmen im Mittelalter, въ *Zeitschr. f. deutsches Alterthum* XV p. 497.)

Dum capio bina mihi confero commoda trina:
 Efficior letus, bene dormio, sumque facetus.

Dulcis ave medo, michi te do, nam tibi me do.
Respondit medo: Te lodo, si tibi me do.

Est iste florinus, qui floribus undique floret,
Floridus hic liber vernat spirantibus auris.

Ad potum primum lavo de gutture linum
Gaudia sunt nobis solempnia quum bibo bis,
Non prosunt vina, nisi sit potatio trina,
Quando quater poto, succedunt gaudia voto,
Ad potum quintum mens vadit in laborintum,
Sextus dat potus, ut nullus sit mihi notus,
Cuncta molendina macinant in septima vina,
Ottavum vinum me cogit ire supinum.
Concludo breviter, cum vinum bibo frequenter
Tunc vado leviter et consulo plus sapienter.

In cratere meo Thethys est conjuncta Lyeo,
Est dea juncta deo, sed ea maior eo,
Non valet hic vel ea, nisi sint ambo pharysae,
Amodo propterea sit deus absque dea

(См. у Wattenbach, стр. 486.)

Quondam fuit sanctum festus
Et vocatum ad comestus и т. д.

(Wattenbach, l. c., p. 498: Quondam fuit factus festus).

Ave color vini clari

Ave sapor sine pari и т. д. (Wattenbach l. c. 476).

Pili quot in mulo, tot huic in cultu monilia, quibus membra propria redimit, que me magis perimit. Coma sibi fulva, magna quoque bultus formositas, oculorum claritas. Ideo letor, cum hanc video.

Александръ Веселовскій.